

И тебя, мятежница, поверь, молчать заставят...

ЧЕМ БОЛЬШЕ ЕКАТЕРИНА ГРУСТИЛА О СВОИХ ЛИЧНЫХ НЕВЗГОДАХ, ТЕМ ЧАЩЕ ПОГРУЖАЛАСЬ ОНА В РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

Первые месяцы 1747 года пробудили в Елизавете Петровне страсть к пригородным путешествиям. Вскоре по возвращении из Тихвина, незадолго до Великого поста, императорская свита побывала под Ориенбаумом, в местечке Гостилицы — имении обер-егермейстера Алексея Разумовского, подаренном баловню судьбы от безграничных царских щедрот. Туда ездили практически все сановники и вельможи, кроме князя Василия Репнина, над коим повис дамоклов меч придворной опалы.

«Я в годах был один за герцогским столом...» Отец Фике принц Христиан Август (1690—1747).

1. ОТЕЦ В ГРОБУ БЫЛ СУХ И ПРЯМ...

В провинции, на свежем воздухе, дамы и кавалеры слегка развеялись («поплясали и порезвились немного») да и повернули обратно, к невиским берегам. Ретирата, однако, не оказалась слишком радостной. Почти сразу Фике сообщили, что в середине марта в далеком Штеттине внезапно умер ее отец принц Ангальт-Цербстский Христиан Август — 56-летний мужчина, оставивший жену, Иоганну Элизу, матушку великой княгини, совсем молодой вдовой. Известие свалилось как снег на голову, и Катя искренне, не на шутку загоревала. Не хотелось есть, кололо в висках, подскочила температура, пропал сон. Нервная горячка! Врачи даже отворили ей

кровь. Прихворнувшую красавицу посетила сердобольная государыня. Утирала ей слезы и шептала нежные утешения.

Дело пошло на поправку, но затем начались какие-то чудеса в решетке. Мария Симоновна Чоглокова — как всегда, не без внутреннего удовольствия — поведала своей подопечной новую монаршую волю: надо забыть о сей утрате, прекратив немедленно плакать, всхлипывать и расстраиваться. Причина проста и прозрачна: покойный не был королем, а носил всего лишь мундир прусского генерал-фельдмаршала, да и то пожалованный Фридрихом II по личной протекции Елизаветы Петровны. Невелика пти-

ца — невелика и потеря! Есть, мол, фигуры поважнее.

Екатерина, обычно сдержанная и осторожная, на сей раз вспыхнула: «Да, — воскликнула она, — родитель мой королем не был, но от этого я не вправе питать к нему меньше дочерних чувств! Надеюсь, они сами по себе не преступны, мадам?» Статс-дама, естественно, в долгу не осталась, обрушив на августейшую воспитанницу кучу милых колкостей. Поладили в конце концов на том, что Фике полностью выздоровеет и выйдет в свет ближайшим воскресным утром, а ей разрешат, облачаясь в черное шелковое платье, соблюдать траур на протяжении целых шести недель...

2. УМОЛКНЕТ СЛАВЫ НАШЕЙ ШУМ

«Нет, забыл меня Спаситель!» Софье Алексеевне подносят у Троицы предостерегающее письмо (художник Клавдий Лебедев, 1890 год). Картина неточна: регентшу остановили в десяти верстах от обители и видеть мощные стены она не могла.

На диване возле окна хорошо отдохнулось и размышлялось. События последних дней, словно по заказу, оттеняли сочные эпизоды забытой, канувшей в Лету поры — августа 1689 года. Оттеняли и яркими совпадениями, и резкими нестыковками.

...Переход патриарха Иоакима в петровский лагерь ломал и рушил все планы честолюбивой правительницы: она прекрасно сознавала, что против веры и Церкви стрельцы в массе своей не пойдут. А 27 августа подоспела очередная неприятность: из монастыря прислали дополнительную призывную депешу всем стрельцким войскам, и они покорно потянулись к Троице-Сергиевой обители. Царевна кусала губы, не зная, что и предпринять. Власть и могущество, вчера еще, казалось, дружески обнимавшие ее за плечи и убаюкивавшие пленительными сказками о незакатном блаженстве, сегодня изменнически, стремглав покидали свою хозяйку, не оставляя даже малой надежды на успех и спасение.

Спустя два дня регентша взяла себя в руки. Не уповая больше на князя Василия Голицына, который поспешил укрыться где-то в подмосковных усадьбах, Софья Алексеевна собственной персоной направилась в

Троицу. Но вояж не удался: у села Воздвиженского, в 10 верстах от обители, ее встретил князь-боярин Иван Троекуров и предупредил: лучше возвратиться назад, в столицу, ибо в противном случае с ней — благородной царевны и великой княжной — поступят «нечестно». Выслушав печальные откровения, «самодержица» развернула карету и конную охрану на 180 градусов...

В Кремле сошлись старые, испытанные стрельцы, богатые торговые и видные посадские люди. Софья, всхлипывая, просила помощи и горько жаловалась на Петра, его нарышкинских родственников, его «обер-штабиста» — Бориса Голицына. Они-де оклеветали добрую царевну перед всем народом, облыжно обвинив ее в военном заговоре. Они незаконно — в обход старшего царя, Ивана, — рвутся к шапке Мономаха. Собравшиеся герои, не перебивая пылкой речи с посулами кар и наград, подавленно молчали. Сил критически не хватало: Кремль не мог сломить Троицу, а Троица — пожелай того ее могущественные обитатели — могла занять кремлевские палаты в довольно короткий срок. На этой невысказанной вслух ноте судьбоносная встреча и была завершена.

3. ОКРЕП ПОД БУРЕЙ ИСКУШЕНИЙ...

4 сентября в Троице-Сергиев монастырь прибыли — после секретных консультаций с дипломатическим корпусом — все служилые иноземные офицеры во главе с генералом шотландцем Патриком Гордоном, воеводой Бутырского полка. Они (а их устами — сама прагматичная Европа) объявили о готовности сотрудничать с молодым многообещающим монархом. Петровское окружение испытало настоящий восторг: дорогим гостям устраивают знатное и сытное застолье. В Москву летит бумага о выдаче победителям неугомонного начальника стрельцких отрядов Федора Шакловитого, науськивавшего своих подчиненных перебить «род Нарышкиных». Поникшая Софья заколебалась: Федор Леонтьевич — вернейший и надежнейший из слуг ее; когда-то регентша подняла его из грязи и убожества, сделал государевым окольничим и бранным вождем. Без Федора — погубель; Софья за ним — как за каменной стеной. Опора! Но... В одиночку ей не совладать. И правительница послала нескольких дьяков к

Ивану V, умоляя заступиться перед Петром за нее и стрелецкого командира.

«Что? — изумленно повел бровями старший повелитель. — Какое заступничество? О чем вы? Я, царь, не только из-за этого негодяя, но даже из-за самой царевны, сестры моей, не рассорюсь с любимым братом. Подите прочь...» И Софье пришлось принять жуткое, запредельное решение — пожертвовать ради себя и, быть может, князя Василия ближайшим сподвижником. Бросить Федора на дыбу петровским палачам, как лет сорок назад, летом 1648-го, в разгар Соляного бунта, ее державный отец Алексей Михайлович бросил на растерзание разъяренной толпе вороватого судью Земского приказа Леонтия Плещеева. Стражники вывели лихоимца на площадь и толкнули в мрачный зев гудящего народного улья. Боже правый... Софья закрыла глаза. У обоих — вот судьба-злодейка! — и в именах сходство: один — Леонтий, а второй — Леонтьевич. Да Шакловитый не расхититель, он — боец, защитник...

Окольничий исповедался, вознес молитвы к милосердному Небу, причастился святых тайн и уехал на адювы муки. Впрочем, говорили, будто юный Петр, не привыкший еще к лютым нравам своей эпохи, сомневался в целесообразности этой казни. Убедил его... патриарх Иоаким, обронивший, что пока «сей человек ходит по земле», мир на Руси не водворится во веки веков. Федора Шакловитого пытали в застенке, а потом подвергли колесованию на привольном поле рядом с обителью. Убивали, правда, облегченно — «сверху вниз»: так, чтобы острые длинные гвозди, вонзавшиеся в тело при раскрутке колеса, тотчас проломили голову и настала мгновенная смерть.

Ну а государыню царевну — уже после триумфального, под звон колоколов, возвращения Петра в Первопрестольную — поместили (не постригая в черницы!) под своды Новодевичьего монастыря. Особенно требовала сей меры царица-мать Наталья Кирилловна, от души ненавидевшая дерзкую падчерицу. И за горемычной Софьей захлопнулись тяжелые кованые ворота...

«Тебя не выкупят моления, тебе молитва не дана...» Царевна Софья в келье Новодевичьего монастыря (художник Илья Репин, 1879 год).